

На небе НИКОГО

Артур Бондарь Ксения Букша

клаудберри + маршак

Ксения Букша
На небе никого

«Вимбо»

2021

Букша К. С.

На небе никого / К. С. Букша — «Вимбо», 2021

ISBN 978-5-903974-19-1

Это книга о людях на войне. В первую очередь о людях, и только потом о войне. Она состоит из двух равноправных частей - художественных текстов о Второй мировой и документальных фотографий 1939-45 гг. Ксения Букша написала 33 перекликающиеся истории про разных людей, военных и гражданских, оккупированных и эвакуированных, мужчин и женщин, детей и стариков, советских и немецких, польских и американских. Все персонажи вымышленные, но голоса у них настоящие. Артур Бондарь выбрал из своей огромной коллекции 113 фотографий. Это документальные кадры, они не служат иллюстрациями, но, помещённые в контекст художественной прозы, складываются в параллельное повествование. «На небе никого» - это сочетание художественного и документального. Мы объединили эти два языка, два мира, две половины книги, чтобы синтезировать новый способ говорить о том, для чего теперь особенно трудно подобрать слова. Эта книга была написана в 2021 году. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-903974-19-1

© Букша К. С., 2021

© Вимбо, 2021

Содержание

Головы лондонцев	10
В тёмную дыру	12
Враг у ворот	20
Чему учит война	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ксения Букша, Артур Бондарь

На небе никого

Книга издана при поддержке гранта АНО «Культурная и книжная инициатива» и магазина «Подписные издания».

Также благодарим за помощь в издании книги семейный фонд Ильи Сегаловича.

© Издательство «Клаудберри», 2023

© Частная коллекция Артура Бондаря / Arthur Bondar private collection 2023

© Ксения Букша, текст, 2023

© Татьяна Фоминова, оформление, 2023

© Александр Веселов, макет, 2023

* * *

КОМАНДА ПРОЕКТА:

W | Arthur
W | Bondar
II | Collection

Букша

МАРШАК

КЛАУДБЕРРИ

КНИГА О ЛЮДЯХ НА ВОЙНЕ

ГОЛОВЫ ЛОНДОНЦЕВ

Вы слышали сегодня речь Черчилля? Ах, я с ним совершенно согласна: Лондон, несомненно, величественный город. Вы слышали, что бомба попала в Дворец? Вчера у меня был необыкновенно удачный заказ: шляпка для свадьбы с широкими полями и перьями. Хотя сейчас на свадьбу лучше каску заказывать... Но нужно будет подбирать точный оттенок к платью – на это может уйти несколько часов. С вашей будет проще, ведь вам нужна шляпка универсальная, подходящая к разным платьям. Не больше недели, конечно, если сюда не упадёт бомба. Письма от Тома приходят по вторникам, и каждый раз мне кажется, что я умру от страха. Он выполняет важнейшую работу. С мая он офицер. Весной Том прикрывал корабли, которые спасали наших парней в Дюнкерке. Потом, когда его сбили, – да, представляете, я даже не успела испугаться – Том не прекращал мне писать, сообщил обо всём так, будто это обычное дело, я только потом узнала, насколько это было опасно, его легко ранили в ногу. Когда сбивают, главное – успеть выпрыгнуть из самолёта. Это опасно, но такое часто случается. Потом в июне их отправили помогать Франции, но от французов ничего хорошего не жди – они капитулировали, и Том, выходит, зря старался, он тогда летал на «Спитфайре». Если бы меня позвали на приём к Гитлеру, я бы его убила, не задумываясь, пожертвовала бы собой. Черчилль сказал, что всё зависит от нас: если Британия выстоит, то будет свет, а если уступит – погрузится во мрак. Пегги и Джордж держатся молодцом, а вот Роб и Несса очень скучают. По секрету скажу вам, милочка, Роб ведь на ночь ещё прикладывался к груди, а тут... Впрочем, там есть коза. Вообще-то это правильно, что детей выслали из Лондона. Особенно теперь. В половину девятого утра этот жуткий вой, потом все стихает, – мой муж уже даже не прерывает чтения газеты, только кофе отхлебнёт и скажет: «Бестии», – и всё идет как шло. Когда бомбили круглосуточно, мы, конечно, прятались в убежище... Пожарные – это невероятные герои! Мы с мужем носим им сэндвичи. Но наши доходы значительно снизились после того, как разбомбили нашу вторую квартиру, которую мы сдаём внаём. Нашу основную квартиру тоже немножко разбомбили, но мы ещё можем там жить, а во второй раз бомба вряд ли попадёт в одно и то же место, не так ли? Гитлер всерьёз готовится к вторжению, но я не верю, что Том так просто его впустит. Летом, когда Тома сделали инструктором, он обучил несколько десятков новых пилотов, и все они оказались прилежными учениками. Да и машин, пишет Том, стало намного больше! Если бы Гитлер вторгся в июне, он бы разбил нас наголову, но сейчас, осенью, они уже не смогут... Не пугайтесь, это «конформатёр» – французское слово, вот сюда я кладу бумажку, и эта чудо-вещь снимает точнейшую мерку с вашей головы. Вас будет ждать шляпка, которая подходит вам и только вам, ведь каждая голова уникальна. Как и мысли в ней? Хотя нет, мысли у нас совершенно одинаковые, особенно сейчас. Здорово, что удаётся отбивать налёты, иначе жертв было бы намного больше! Если нас пропустят завтра, мы пойдём на ту квартиру и заберём письма, фотографии и, конечно, оставшийся фарфор. Алюминиевую посуду мы всю отдали на переплавку: кофейники, чайники, кастрюли – всё для «Спитфайров». А видели отель на углу напротив метро?! Как, прости господи, кукольный домик: фасад в четыре этажа как ножом срезало – видно ванны, постели, трюмо... Я, конечно, боюсь за Тома, но никогда не пишу ему о своих страхах – этого ему только не хватало. Потом, он подаёт хороший пример всем младшим. Иметь брата, который сражается за Англию... Да что вы, он намного старше и опытнее большинства, первого нациста Том сбил ещё в феврале, а затем ещё четырёх в августе – и ему дали крест «За особые лётные заслуги». Знаете, как он недавно пошутил? Я так смеялась. Написал, что, дескать, мама, мы с вами делаем одно и то же дело: прикрываем головы лондонцев. Я – шляпами, а он своей обороной, понимаете? Вчера завыла сирена, когда мы ехали по мосту, так лошади чуть не выпрыгнули из упряжи. Палата общин тоже пострадала. Миссис Грегори в ужасном состоянии, постоянно нервничает и гово-

рит о конце света. Ну, с ней такое и раньше бывало, я не думаю, что Гитлер что-то принципиально изменил. Но как хотите, а я считаю, что это сумасшествие, – не миссис Грегори, я имею в виду, а Гитлер. Он просто сумасшедший. И с ним очень скоро будет покончено. Никакого вторжения не будет – вот что я считаю. Конечно, неделя на шляпку – это немало, тут я с вами согласна. Но вы видите, что сейчас у нас только три мастерицы, а делаем мы на совесть, будьте уверены, и никогда не позволяем себе ничего копировать. Мы можем сделать немного похоже, чуть-чуть в духе или на манер. Но другой такой шляпки точно не будет ни у кого, это мы вам гарантируем. Если нас, конечно, не разбомбят – а впрочем, и в этом случае тоже.

В тёмную дыру

Интересно наблюдать за тем, как меняется моё восприятие самого себя. Ещё на сборах я почувствовал, как моя личность растворяется в товариществе и становится его частью. Военные игры, тренировки, учения, весёлые досуги с товарищами постепенно сделали из меня настоящего национал-социалиста, преданного фюреру и родине, хотя я не представляю и не мог бы рассказать, как именно это случилось. Ночью, особенно при свете луны, я вспоминаю прежнего Мартина, но воспоминания эти кажутся мне очень далёкими. Днём – и теперь уже окончательно – есть лишь «мы» и нет никакого «я». Но так ли это на самом деле? Не знаю. С тех пор как умер отец, и потом, на сборах, у меня не было времени решить – и теперь уже точно не будет. Наверное, сама жизнь в её бытийственности должна решить за меня.

Возможно, это и есть воспитание того способа мыслить, который я так отчаянно искал. Мы мыслим нашими телами, мы стали клетками большого, единого организма, который называется родиной, называется нацией. Фюрер сказал: мы должны обеспечить безопасность Европы. Сказал, что вкладывает судьбу и будущее Германского рейха в руки солдат. Мы услышали этот приказ поздно вечером, стоя под сводами великолепного соснового леса неподалёку от границы. Не то чтобы мы не толковали между собой о такой возможности, и всё же мы были поражены, ошарашены величием замысла, нашей ролью в нём.

Притихшие, мы собрались на поляне. Стрекотали кузнечики. Кто-то сказал: с ума сойти, я и подумать не мог. Ведь был пакт о ненападении... Тут же другие возразили ему: невозможны никакие пакты, когда речь о мировой угрозе. Мы, германская нация, должны спасти Европу и мир.

Первый залп нашей артиллерии. Вспышки огня. Мы бежим вперёд через болота и канавы. Мы в грязи по колено. Русские ведут заградительный огонь, визжат пули. Мы не понимаем, куда бежать, – невозможно установить связь под постоянными обстрелами. Мы непрерывно меняем позиции, прижимаемся к земле. Радиста ранило. Шишки и песок в траншеях, грязь в маленьких болотцах. Горящие машины. Горящие вышки.

Мы впервые видим противника совсем близко. Их не прикрывает артиллерия. Они обезумели. Они наступают в беспорядке. С дикими, сильными воплями «Ура!», с искажёнными грязными лицами, грохоча сапожищами, они несутся прямо на нас, даже не пытаясь использовать рельеф местности. Дикий ужас парализует меня, но всё-таки мы побеждаем. Мы открываем шквальный огонь. Русские падают ряд за рядом, друг на друга. За ними бегут следующие – волна за волной. Раненые кричат, от этих криков стынет кровь. Мы бежим вперёд прямо по трупам.

Мы проходим в день по тридцать-сорок километров. Сегодня мы не завтракали. На обед съели по куску хлеба.

Очень хочется пить. Ветер бросает в лицо песок, он везде, хрустит на зубах. Жара. Мы обросли щетиной – не брились три дня. Сон короткий, просыпаться тяжело.

Мы идём вперёд по разбитой дороге, изрезанной колеями и воронками от снарядов. Дорога идёт вниз, и мы как будто спускаемся на дно высохшего моря. Сходство такое сильное оттого, что всё покрывает песок. Форсируем склоны. Фюрер сказал: эти пустынные равнины – поле осуществления истории.

Идёт дождь. Мы ночуем под машиной. Грязные, потные и пыльные, утром мы снова встаём и шагаем вперёд выматывающими маршами. Нет времени поесть, беспрестанно мучает жажда.

Мы идём вперёд. Везде подбитые и сгоревшие танки. Ноги дрожат от усталости, голова плывёт, мы как будто в полусне или трансе. Голод и жажда притупились. Странное равнодушие овладевает нами. Все цвета поблёкли, в низинах поднялся туман. Луна позади, за нашими

спинами. Впереди – бесконечное небо, тёмное, грозное. Кажется, что мы шагаем напрямиком в тёмную дыру.

Мы всё время хотим спать. Мы идём вперёд, минуя спящих у обочин солдат. Иногда кажется, что это мертвецы. Проснуться очень трудно. Сегодня несколько минут будил своего товарища – казалось, он не дышит, так крепко он спал. Под щекой у него белел лист бумаги. Вечером он начал письмо домой, но уснул, не написав и нескольких строк. Мне некому писать, ведь отец умер, так и не увидев меня. Он ослеп за несколько месяцев до моего рождения, а умер год назад, через пять лет после матери.

Нам ничего не говорят о положении на фронтах. Видно, всё быстро меняется; скажут, когда что-то будет ясно. Пока мы просто идём вперёд, а русские в панике отступают. Прошли через деревню, которую полностью разрушили наши «Штуки». Развалины кое-где ещё дымились. Торчали только трубы печей. Много трупов, включая женщин и детей. Не знаю, что и думать об этом, и потому ничего об этом не думаю. Противный привкус во рту – смесь дыма, горелого мяса и кирпича – не оставляет меня.

Один миномётчик попытался застрелиться или, может быть, специально ранил самого себя. Так или иначе, он пошёл под трибунал и, скорее всего, будет расстрелян. Если это и правда неудавшееся самоубийство, то он выбрал странный способ добиться своего. Он объяснял это тем, что война слишком затянулась (она длится уже больше месяца) и он боится, что будет серьёзно ранен. Кажется, этот человек сошёл с ума. Спрашиваю себя, не может ли такое случиться и со мной. В последнее время многие вещи вокруг кажутся мне фильмом или картинкой, как будто они не затрагивают меня.

Может, это просто усталость. Больше всего мы страдаем от недосыпа. Кажется, иногда я сплю даже на марше. Вчера я шёл, подняв голову, и вдруг заметил, что кусты по обочинам дороги превращаются в плюшевые мордочки игрушечных зверей, пряничные домики; солнечные блики на листьях стали то ли огоньками в окнах, то ли конфетами... Так я понял, что на минуту уснул. Стоит мне сесть, привалившись к чему угодно, как я проваливаюсь в дремоту. Это происходит и на полуденной жаре, когда нам дают отдохнуть часок-другой. Не всегда есть силы найти тень, и это даже опасно.

Вчерашний день мог быть последним в моей жизни. Нашу роту послали выручать разведчиков, и мы попали в окружение. Нас обстреливала артиллерия, тяжёлые минометы, а выйти из-под обстрела мы не могли – торчали на одном месте. Многие из тех, с кем я делил хлеб последние шесть недель, были убиты или ранены. Должно быть, мне пристало чувствовать страх или грусть, но я ничего не чувствую – не знаю почему. Нам дали поспать лишь несколько часов. Вот-вот предстоит снова выдвигаться вперёд.

Неужели скоро мы будем стоять у ворот Москвы? Действительно ли управимся с этой войной к Рождеству? Я верю в это, должен верить, не могу не верить. Все эти жертвы необходимы, так сказал фюрер. Мы должны победить и не можем отступить. Мысли, которые иногда нас посещают, происходят только от того, что уж очень тяжело всё идти и идти вперёд, в неизвестность. Это огромные просторы, и картина перед нами всё время одинаковая. Одинаковые равнины, деревни. Русские, как муравьи, не замечают собственной смерти. Это втайне страшит меня, и я спрашиваю себя, когда же мы достигнем нашей цели и где эта цель.

Грозовой вечер. Усталые и промокшие, мы снова заползаем под автомашины, и я тут же засыпаю, несмотря на озноб и ноющую боль во всех костях. Мне снится, что я в нашей гостинице, а дверь в комнатку тёти Хельги стала узкой. Я захожу боком. Комнатка маленькая, узкая, как окоп, скудно освещена. Пахнет землёй. Мертвенный холод и тишина. На кровати тёти Хельги сидят бабушка, отец, мать и сама тётя Хельга, в ряд. Они молчат. Комната становится всё уже. Я вдруг понимаю, что это значит, ведь все эти люди уже умерли. С криком я начинаю протискиваться обратно, стены сжимаются... Я просыпаюсь. Вокруг полный мрак.

Сердце у меня колотится, во рту пересохло, и я впервые за эти месяцы спрашиваю себя: wo gehst du hin?¹

¹ Куда ты идёшь? (нем.)

Враг у ворот

мои воспоминания и переживания со дня начала великой отечественной войны и до

29 июня

Ну вот и проводил Митю в ополчение. На набережной Малой Невки погрузили их всех на баржу, выдали сухой паёк, и... баржа отчалила. Пришёл, даже ужин не стал готовить – попил чаю с хлебом и селёдкой.

Год назад и не думал и не чаял, что останусь совсем один. Потом Клавдия [умерла] в январе, и ребёнок на Гатчинском кладбище. Чорт попутал меня согласиться, чтобы она рожала в 45 лет, обрадовался старый дурак. Теперь и старшего сына судьба отнимает, надолго ли? Не хочу думать и боюсь.

3 июля

У А. Ц. [соседка] детей-подростков в первые же дни войны увезли в эвакуацию. Повезли в обычные летние лагеря. Их школа приписана к Боровичам, туда и повезли. Но ведь с той стороны фашисты, наступать будут. Нет, говорит А. Ц., это – ненадолго, война ненадолго. Ведь через пару недель всё закончится. А увезли тогда зачем? А вот если город будут бомбить с самолётов, на тот случай. Так-то немцы сюда, конечно, не дойдут. Вот в каких она мыслях. Боюсь ей что-то говорить, да и пользы нет.

8 июля

Город совсем праздничный. Много военных плакатов, цветов. На Невском как будто праздник. Появились в продаже хорошие книги. Лотки с книгами стоят прямо на тротуарах. Настроение у людей весёлое, возбуждённое. Вечерами из всех окон патефоны, много пьяных шатаются по улицам – провожают на фронт. В очередях толкуют, что Гитлера к осени должны разбить. Но у меня тяжело на сердце, тяжёлые предчувствия. Я никому в них не признаюсь, да и некому особо признаваться. Дома один. В лаборатории я да Алла, с которой не откровенничая. Чуть что, и губы куриной гузкой: «бирюк», даже «пораженец». А это уже опасно.

«Дом у вас каменный? Сколько этажей? И что, заводы есть рядом? Если и бросят бомбу, то бомбить будут только заводы, вас не тронут, успокойтесь, вы немцам неинтересны». Ну что за дура.

15 июля

С сегодняшнего дня вводят карточки – в магазинах вчера был ажиотаж. Чуть не поддался, денег мало всё равно, запастись не на что.

А. Ц. рыдает на кухне. Спрашиваю, что такое. Выясняется, что школу, которую эвакуировали в Великолукскую область, повезли обратно, а там дороги перерезаны, начались обстрелы, бомбёжки. Невероятные слухи, что в эшелон с детьми попала бомба, погибло триста школьников и дошкольников, сгорели вагоны. Как мог успокаивал, говорил, что немцы ещё не так близко, что это уж точно провокации и такого быть не может. Завтра идёт с другими родителями в райсовет, будут требовать вернуть детей, довести до сведения родителей, что с ними. Думаю, никто ничего не скажет, но А. Ц. этого не говорю.

16 июля

А. Ц. говорит, в райсовете только успокаивают, дескать, с вашими детьми всё в порядке, они в безопасности. А где, что – неизвестно. То говорят, что их прямо с дач повезут в эвакуацию в Киров, то – что вернут в город. А. Ц. собирается отпроситься с работы и ехать за сво-

ими искать. Отговариваю это делать. Непонятно, как она собирается их найти и на чём везти обратно. Судя по всему, дела-то наши не блестяще.

Ничего не понятно, что-то происходит, а нам ничего не говорят. В сводках всё «ожесточённые бои», отдельные подвиги советских граждан, наши окружили гитлеровцев. А насколько значимы те или иные события, понять трудно. Остаётся предполагать худшее. Надеяться, по опыту, не на что: воевать нам нечем и некем. Всегда удивлялся, как люди могут не видеть, что у них перед носом творится. От нас всё скрывают, чтобы «не поднимать панику», а на деле... Настроение тяжёлое.

18 июля

Заводы эвакуируют из Ленинграда. Слухи, что немцы уже в Луге. А. Ц. туда поехала, значит – в самое пекло. Не могу о них не думать и о других матерях, об учениках школы, что у нас во дворе.

Еле сдержался в лаборатории. Алла толкует, что уезжать нет смысла – всё равно потом возвращаться осенью. Этот дневник никто никогда не прочтёт, да и к шуту, если прочтёт, мне уже всё равно, ради чего сдерживаться. Вот вы и езжайте, говорит. Мне-то ехать нет смысла, никого нет, сын единственный на войне, самому помирать пора. Это ведь у неё – родители старики. Дети школьники. Что здесь будет? Ничего хорошего нас здесь не ждёт. Хочется кричать: уезжайте! Увозите детей, стариков! Может, мой пессимизм говорит во мне, но кажется, что скоро здесь будет плохо, очень плохо.

А может, дело в характере. Может, я и правда «пораженец». Ни друзей, ни близких. Сирота, а при этом моё «дворянское происхождение» столько бед понаделало. Кое-как получил образование, но не то, что хотел, – машины и оборудование от меня всегда были далеки. Живу на окраине жизни, далеко от больших свершений и событий. Одна любовь была в жизни, и той уж нет. Митя на фронте. Как двадцать лет назад, когда хотел с моста головой в Неву, но что-то удержало. Не знаю что, не любовь к жизни точно. Просто живёшь, живёшь... по привычке.

От Мити ни слуху ни духу. Успокаиваю себя, что в таком хаосе почта плохо работает.

23 июля

Сегодня припозднился, шёл пешком. Пахнут одуряюще цветы из Аптекарского. Город изменился здорово. На всех витринах крест-накрест полоски из бумаги, лежат кучи мешков с песком. Новая штука – аэростаты на длинных тросах, привязанных к машинам, на всех пустырях, в парках. Высота, сколько могу судить, около двух-четырёх километров. Аэростатное заграждение должно спасти Ленинград от бомбардировок. Спасёт ли.

25 июля

Тридцать четвёртый день войны, всё «ожесточённые бои». Радио раздражает дико. Ощущение, что хотят всё скрыть от нас. Видел, как на стенах рисуют надписи, ориентирующие горожан о местоположении убежищ и укрытий. Говорят, Мгу разбомбили и заняли немцы. Поезда никуда уже не ходят, но точно толком ничего не известно, одни слухи. Бедная А. Ц.!

28 июля

От Мити ничего. Отчаяние. Как я мог его отпустить.

На Неве видел прощание с солдатами, морскими пехотинцами. Жена или девушка не хотела отпускать одного из них. Все остальные спокойны, и по контрасту – жутко было смотреть на её слёзы, слышать крики. Цеплялась и не отпускала, за вещмешок, за винтовку, за противогазную сумку. Наконец удалось её уговорить, успокоить. Тяжёлое впечатление.

Пень тополя у нас во дворе, на нём двое раненых, я подошёл и прямо спросил. Рассказали, что вышли из окружения. Худые, щёки ввалились, глаза страшные, красные. Высокий

пьяный махал руками, говорил громко, что у немцев оружие, техника передовая, что наших ополченцев прямо из эшелонов, без обучения отправляют в бой под угрозой расстрела. Что генералы переходят на сторону противника, действуют изменнически. Может, эти парни не вышли из окружения, а дезертировали, кто знает. Всё это весьма уныло.

3 августа

На вокзалах толпы, на привокзальных улицах тысячи людей сидят на узлах, дети бегают, всюду хаос, антисанитария. Коровы и козы, для которых нет корма, нет условий, – пасутся в скверах. Люди голодны, рыщут по городу, пытаются что-то добыть. А коммерческие магазины закрыли – не удивительно, если начнутся массовые смерти от голода. Беженцы из Луги, из Кингисеппа, из Красного...

На работе всех, кто не занят на срочном заказе, мобилизовали рыть укрепления. Зачем рыть – немец займёт наши же траншеи, там укрепится.

Про себя решил, что немцев дожидаться не буду. Только доделаю анализ срочной партии образцов, чтоб не подводить Аллу. Ждать от будущего нечего, и Мити очевидно больше нет, сердце ноет.

Страшный год.

5 августа

Встречусь ли с Клавой? Я в это не верю. Нет ничего за гробом. Сейчас все стали такие религиозные, чуть что поминают бога, в которого столько лет было принято не верить. В ящике постоянно нахожу одно и то же письмо религиозного содержания, сейчас мода такая, бабы его переписывают по девять раз, тогда, дескать, спасёшься. Все суеверия повылезали наружу.

Останавливает только мысль вопреки всему – вдруг Митя жив. Хотя этого не может быть и уже нечего на это рассчитывать. Ни одного письма, а что там творится, можно узнать от раненых.

6 августа

Сегодня произошло кое-что непредвиденное.

Дело в том, что вернулись Коля и Витя, дети А. Ц. Оказалось, что их поезд действительно разбомбили на узловой станции, но вагон, в котором они ехали, остался цел. Две недели они добирались до города, грязные, голодные, но держались вместе, у Николая ответственность за младшего. Когда узнали, что А. Ц. поехала их искать, плакали оба, Коля хотел в свою очередь отправиться за мамой, но я очень жёстко им сказал сидеть на месте, возможно, их будут снова эвакуировать вместе со школой, а может быть, стоит определить их в интернат на время, пока мать не вернётся. Займусь этим, если будет возможно.

10 августа

Всё определилось: Коля идёт рабочим, там выше продовольственная норма. Хлопоты по поводу зимней одежды. Пытаюсь добыть крупу, что-то запастись, но цены на рынке не позволят в полной мере осуществить задуманное.

Итак, мы остаёмся в городе, который, вероятно, вскоре будет занят немцами. Говорят, немцы будут вешать за бюсты Л[енина] и С[талины], за собрания сочинений, книги о революции. Партийным выдадут паспорта на другую фамилию – перейдут на нелегальное положение. Что ж, у меня ничего нет «запрещённого» – ирония судьбы. Но думаю, что умирать будем все без различия партийности и происхождения.

24 августа

Когда шёл с работы, ко мне подбежала старуха, вероятно решила, что я – врач (квартал, где наша лаборатория, занят по большей части медицинским институтом и больницами). Умоляла помочь маленькой девочке, её внучке. Она в тяжёлом состоянии, а в больницы не берут, всё переполнено, продовольственных карточек нет. Семья еврейская – беженцы из Пушкина, выехали за несколько часов. Евреев, как известно, фашисты всех на месте расстреливают поголовно. Ходят слухи, что Пушкин со дня на день будет занят, и получается, что враг совсем рядом. Купил у неё зимнее пальто для Вити – обменял на пять килограммов крупы, которую нёс с базара, больше ничего не мог сделать. Никто и ничем не может помочь этим людям, и здесь их тоже ждёт голодная смерть. Каждый думает о себе и спасается как может.

27 августа

Обрабатываем чердак суперфосфатом – особая смесь против зажигательных бомб. Пока не прилетали, но вдали слышен какой-то гул. Сводки никакой информации по-прежнему не дают. Вечерами в городе совершенно темно. Вот что странно: отчаяние полное, а у меня сегодня стало как-то легче на душе. Не знаю, почему это так. Пока жив, буду помогать Вите и Коле, и, может быть, их ещё ждёт какое-то будущее, если не погибнет весь мир в этой адской мясорубке.

Чему учит война

Жил в Ленинграде Митя Першин, поступил в Горный институт, да началась война. Митю с другими ополченцами погрузили на баржу, дали сухой паёк, а отец долго стоял на берегу в толпе провожающих и молча махал рукой. Путь на войну оказался, впрочем, неблизким. Сперва немецкий самолёт расстрелял баржу на бреющем полёте. Митя был в числе немногих спасшихся. Пошли блуждать по лесам вслепую: где немцы, где наши – непонятно.

– Кто такие? Дезертиры?

– Что вы! Ищем свой полк. Такой-то номер.

– Ха! Того полка нет давно. Присоединяйтесь к нам. Доходяги вы, правда... Дистрофики!

Ну ничего, воевать сгодитесь.

Начал Митя воевать – ничего не умел. Несколько месяцев прошло – всему обучился. А чему война учит? А вот чему.

Во-первых, зарываться в землю. Это только кажется, что просто. Как морозы грянули, земля-то вся промёрзла. А местность, где они стояли, была болотистая. Земля здесь на ступень похожа: чуть оттаёт – и начинает течь. Сверху твёрдо, заморожено, внутри жидко. Землянки получались у бойцов полметра глубиной. Сам поместился, влез в нору, и довольно. Ещё туда ставится печка – простое ведро с углями. Становится тепло и дымно. Копоть оседает на одежде, на лице.

Во-вторых, война учит гонять вшей. Ни раздеться, ни помыться у бойцов не получалось месяцами. Это уж потом стали бани везде ставить, а в сорок первом их не было. Поэтому вши сидели везде, густо-густо. Однажды Митя осмелел и снял шинель у костра в минус тридцать пять. Потряс над огнём. Насекомые посыпались, сгорая с лёгким треском. Тем вшам, которые в белье, больше повезло, их Мите не удавалось выкурить никакими силами.

Далее, в-третьих, война здорово учит таскать тяжести. Ящик снарядов – сорок шесть кило. Мёрзлое бревно – неизвестно сколько. И таких ящиков и брёвен за сутки перетаскаешь без счёта. Ещё командир прикажет дров – землянку протопить... У них спецпаёк: хлеб с маслом и сахар. Водку жрут. Им не голодно.

Не спать учит война – это в-четвёртых. Сутками, а то и неделями. В атаку Митю пока не брали, и то хорошо – а то б ухлопали сразу же. Но каждую ночь Митя по шесть часов стоял часовым. Задремлешь на полчаса, потом снова ходи. Однажды их землянку разнесло прямым попаданием. Никого в ней не было, да беда в том, что спать негде, а тут ещё и буран. Пошли в блиндаж соседнего взвода. Набились туда всей толпой. От бессонницы тошнит, ноги подкашиваются – и дрыхнут бойцы стоя, друг друга подпирая. Кто был ближе ко входу – к утру отморозил ноги и руки. Кто остался снаружи... К утру их было не отковырять от мёрзлой земли.

В-пятых – но по значению во-первых, – война учит находить еду... Любую. Всё, что можно сожрать. Митя всё время был голоден и вечно рыскал в поисках еды. Срезал с мёртвого немца вещмешок – наелся консервов. Замёрзла лошадь – бойцы набежали с топорами, рубят, куски уносят. А однажды во время наступления перевернулся котёл походной кухни, и каша вылилась на снег. Митя и другие бойцы выхватили ложки и на ту кашу набросились. Прямо с земли хватали и в рот, вперемешку с грязью, со снегом. По каше возы едут, лошади, люди идут, а бойцы всё ели и ели, скребли мёрзлую землю, пока хоть крупинка каши оставалась.

Чему ещё учит война? Она учит, в-шестых, что всем крышка. Митя быстро привык к трупам, они валялись тут везде. Вот есть высота, надо её взять. Бросили в бой свежее пополнение – человек двести или триста. Все они или почти все – полегли в сугробах, ведь воевать они не умеют, да и сил у них нет, только вчера их привезли из блокадного Ленинграда. А ночью снова прибывает пополнение. Зачем же так людей зазря тратить? А вот зачем: нет-нет,

да и убьёт кто-нибудь из них немца перед смертью. Так в армии врага становится меньше на одного солдата. А советских пропадает за это время десять или двадцать человек. Ночью снова пополнение, и бредут измождённые люди на верную гибель прямо по трупам товарищей. Рано или поздно немцы кончатся и высота будет взята. Только гораздо раньше кончишься ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.